

представленный в индивидах; но духовный взор видит выше, ибо, выходя за пределы Вселенной, он созерцает эту простую форму саму по себе чистым зрением мысли. Эти формулы, которые в трактате Гундиссалина «О душе» будут комбинироваться с платоновскими темами, навеянными другими источниками, являются достаточным свидетельством того, что для Боэция реальность, соответствующая универсалиям, это реальность Идеи. Для него, как и для Августина, ощущение есть не страсть, которую испытывает душа вследствие воздействия на тело, а акт, посредством которого душа судит о страстях, испытываемых телом****. Чувственные ощущения просто призывают нас обратиться к Идеям. Располагая историческими данными, мы не можем сомневаться в глубинном платонизме Боэция, но в средние века часто колебались относительно истинного содержания его мысли. Его легко воображали стоящим где-то посередине между Платоном и Аристотелем, поочередно слу-

110 Глава II. Латинские отцы и философы

шающим обоих, не решаясь сделать выбор. Таким его увидит в XII веке Годфруа Сен-Викторский:

Assidet Boethius, stupens de hac lite, Audiens quid hie et hie asserat perite, Et quid cui faveat non discernit rite, Nee praesumit solvere litem definite.*

Однако реальный, исторический Боэций не колебался. Для него самая возвышенная наука — та, которая занимается даже не умопостигаемым — предметом разума, но интеллектибельным — объектом чистого мышления, а интеллектибельное по преимуществу — это Бог. Мы обладаем врожденным знанием Его, которое представляет нам Его как Высшее Благо, то есть по определению, воспроизведенному в дальнейшем св. Ансельмом, как Существо, лучше которого невозможно помыслить (*cum nihil Deo melius excogitari queat*). Чтобы обосновать Его существование, Боэций опирается на принцип, согласно которому несовершенное может быть лишь ослаблением совершенного; существование несовершенного — в любом порядке — предполагает, таким образом, существование совершенного. Существование несовершенных сущностей очевидно; следовательно, нельзя сомневаться в существовании некоего совершенного существа, то есть некоего блага, которое является источником и началом всех прочих благ. В крайнем случае можно отказаться от доказательства, что это совершенное есть Бог, потому что совершенное лучше всего того, что можно постичь. Задумаемся, однако, вот над чем: допустить, будто Бог не есть самое совершенное Существо, означает допустить некое совершенное существо, которое предшествовало Богу и, следовательно, было Его началом. Однако именно Бог есть начало всех вещей и, следовательно, Он — совершенство. Во избежание ухода в дурную бесконечность, что абсурдно, должно существовать высшее совершенное существо, которое есть Бог. В

XI веке к этим темам вернется св. Анселм в своем «Монологионе».

Будучи совершенен, Бог есть Благо и бла-1 женство. Боэций определяет блаженство фор. 1 мулой, которая станет классической и котоJ рую воспроизведет св. Фома Аквинский: со-1 стояние совершенства, заключающееся в об-1 ладании всеми благами — *statum bonorumJ omnium congregatione perfectum*. Бог блаже™ или, скорее, Он есть само блаженство, откуда! следует вывод, что люди могут стать блажен-1 ными, лишь становясь причастными Богу и сами выступая в некотором смысле богами. 1 Блаженство человека всегда будет, так сказать лишь тем, что причастно блаженству Бога.